ЭКСПЕРТНЫЙ АНАЛИЗ НОРМ ПРОЕКТА НОВОЙ РЕДАКЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОДЕКСА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ ОБРАЩЕНИЯ С ОСУЖДЕННЫМИ

В.А. Уткин, заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
директор Юридического института
Национального исследовательского
Томского государственного университета,
эксперт международной организации
«Penal Reform Intetnational».

Цель: исследование степени соответствия положений проекта новой редакции Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики международным нормам и стандартам, законодательству Кыргызской Республики.

Предмет: положения Проекта новой редакции Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики, (193 статьи) проекта УК, проекта Кодекса КР о проступках перечисленным ниже международным актам о правах человека и обращении с осужденными.

Принятые сокращения:

Проект УИК КР – проект новой редакции Уголовно-исполнительного кодекса Кыргызской Республики.

Проект КОП КР – проект Кодекса о проступках Кыргызской Республики;

Проект УК КР – проект Уголовного кодекса Кыргызской Республики.

УИК РФ - Уголовно - исполнительный кодекс Российской Федерации, принятый 8 декабря 1996 г. (с последующими изменениями и дополнениями).

ЕКПЧ - Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

ЕСПЧ - Европейский Суд по правам человека.

ВПЧ - Всеобщая декларация прав человека 1948 г.

МСП - Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными 1955 г.

ЕТП - Европейские тюремные (пенитенциарные) правила 2006 г.

ТП - Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением, 1990 г. (Токийские правила)

ЕПАС - Европейские правила альтернативных санкций 1992 г.

ЕПОП - Европейские правила о пробации 2010 г.

ПЗН - Правила ООН по защите несовершеннолетних, лишенных свободы, 1990 г.

ОПОЗ - Основные принципы обращения с заключёнными, принятые ГА ООН в 1990 г.

ПП – Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») от 10 декабря 1985г.

ПЗН – Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, от 14 декабря 1990г.

СПЗ - Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, утвержденный ГА ООН в 1988 г.

Рекомендация R (98) 7 - Рекомендация Комитета министров государствам - членам Совета Европы, касающаяся этических и организационных аспектов охраны здоровья в местах лишения свободы от 8 апреля 1998 г.

Основные вопросы для заключения.

1. Обоснованность включения в перечень основных средств исправления осужденных такого понятия, как социальная адаптация.
2. Порядок исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы.
3. Осуществление пробационного контроля за лицами, в отношении которых принята данная мера.
4. Новая градация видов исправительных учреждений (по сравнению с действующим УИК).
5. Обоснованность функционирования колоний-поселений только для лиц, переведенных из исправительных учреждений закрытого типа.
6. Обоснованность определения осужденному режима отбывания наказания уголовно-исполнительной системой.
7. Исключение из функций уголовно-исполнительной системы функций розыска бежавших осужденных.
8. Передача уголовно-исполнительной системе функций перевода осужденных из исправительных колоний в колонии-поселения и тюрьму и обратно.
9. Отмена ограничений для осужденных в получении посылок, передач и бандеролей, увеличение количества свиданий.

Содержание.

1. В ст.7 Проекта раскрывается содержание таких терминов, как «исправление осужденных» и «ресоциализация». Наличие этих задач прямо вытекает из гуманистической сущности международных стандартов, в том числе – Международного пакта о гражданских и политических правах 1966г. В ст.10 указанного Пакта, в частности, говорится, что существенной стороной режима лишения свободы должно быть «исправление и социальное перевоспитание».

Вместе с тем использование термина «перевоспитание» (в особенности, применительно к взрослым осужденным), как было написано в Пакте в 60-е годы прошлого века, все же представляется недостаточно реалистичным. Не случайно от этого понятия отказались в постсоветском законодательстве всех государств СНГ и его обоснованно нет в Проектах УК и УИК КР. Однако термин «исправление» имеет право на существование в его реалистичном значении, вытекающем из ст.58 Минимальных стандартных правил ООН: «целью и оправданием приговора к тюремному заключению и вообще к лишению свободы является в конечном расчете защита общества и предотвращение угрожающих обществу преступлений. Этой цели можно добиться только в том случае, если по отбытии срока заключения и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается е только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечивать свое существование (ст.58). Таким образом, исправление - это формирование субъективной готовности и объективной подготовленности осужденного сознательно не совершать преступлений и самостоятельно зарабатывать честным трудом после освобождения.

Ресоциализация - это (в самом общем виде) - восстановление утраченных и корректировка (исправление) дефектных социальных отношений личности с обществом.

Но для смешения этих понятий нет оснований. Как сказано выше (что, в общем, - давно известно), ресоциализация в буквальном смысле означает восстановление позитивных социальных связей осужденного. Исправление также направлено на это, однако о единстве исправления и ресоциализации можно говорить лишь при непосредственном нахождении человека в общности, где он должен социализироваться. Понятно, что это возможно лишь при наказаниях, не связанных с изоляцией от общества. При лишении свободы исправление - лишь создание субъективных (мотивационная сфера)

и объективных (формирование внешних личностных качеств) предпосылок будущей ресоциализации.

Адаптация («приспособление»). Социальная адаптация -, в сущности, - синоним ресоциализации. Констатация противоречия между «идеальным осужденным» и «идеальным гражданином» давно стала «общим местом» в отечественной и зарубежной пенитенциарной науке (см., например, труды Э.Койла, В.Стерн и других авторов). И поэтому некорректно возлагать на исправительные учреждения задачу непосредственной социальной адаптации, справедливо говорить лишь о создании в учреждении объективных и субъективных предпосылок для таковой.

Как видно из сказанного, исправление, ресоциализация и социальная адаптация одновременно существуют и возможны лишь при наказаниях и иных уголовно-правовых мерах, не связанных с изоляцией от общества, когда осужденный непосредственно находится в общности, где он должен адаптироваться, ресоциализироваться, исправиться. Наконец, совершенно неприемлемым выглядит использование в этой связи понятия «социальная реабилитация». Сущность последней – восстановление несправедливо ущемленного правового и социального статуса, доброго имени, репутации. В таком значении о реабилитации справедливо говорится в уголовно-процессуальном законе и во многих иных законодательных актах. Но об каком восстановлении доброго имени можно говорить применительно к осужденному преступнику?

Достаточно широкое использование термина «социальная реабилитация» в уголовно-исполнительных системах ряда постсоветских государств проистекает из одностороннего и формального перевода соответствующего английского термина («rehabilitation») в отдельных международных актах. Между тем, обращение непосредственно к английским источникам свидетельствует, что в них этот термин переводится не только как «реабилитация», но и как «исправление». А об этом см. выше.

2,3. О порядке исполнения наказаний без изоляции от общества и о пробационном контроле конкретно см. далее замечания по отдельным статьям проекта УИК КР. В качестве общего замечания хотелось бы, по возможности, предостеречь от так называемых «терминологических революций», когда давно известные и достаточно тривиальные вещи обозначаются новыми наукообразными либо иностранными терминами, и это в совокупности преподносится как «коренная реформа». Так, к сожалению, по моему мнению, во многих случаях обстоит дело со «службой пробации», «пробационным контролем» и т.п.

Согласно Европейским правилам о пробации 2010г. под «пробацией» понимается «процесс исполнения в обществе наказаний и мер, предусмотренных законом и назначенных правонарушителю. Она включает широкий круг мероприятий и мер воспитательного воздействия, таких, как надзор, контроль и оказание помощи, цель которых – вовлечение осужденных в общественную жизнь, а также обеспечение безопасности общества». А понятие «служба пробации» «означает любое ведомство, предусмотренное законом для осуществления указанных выше целей и задач».

На основании изложенного следует сделать два принципиальных вывода:

1. Обязательного переименования существующих служб исполнения альтернативных мер вовсе не требуется (хотя внешне это создает реформаторский «антураж»). Впрочем – это дело суверенного законодателя.
2. Деятельность службы пробации и аналогичных ей органов отнюдь не сводится к надзору и контролю, а предполагает реализацию широкого комплекса воспитательно-профилактических средств. Иной подход не отвечает потребностям ресоциализации и смыслу упомянутых международных стандартов.

4.В ст.88 Проекта УИК КР определены виды исправительных учреждений. Заметим, однако, что в ст.ст.70-71 Проекта УК КР используется иной термин: «учреждения исполнения уголовных наказаний» или «уголовно-исполнительное учреждение». Для Кыргызской Республики это, видимо, - синонимы, а в России к учреждениям уголовно-исполнительной системы относятся также уголовно-исполнительные инспекции. Во всяком случае терминологию УК и УИК здесь лучше унифицировать, как и заменить в УК термин «Кодекс исполнения наказаний» на Уголовно-исполнительный кодекс.

Ч.1 ст.88 Проекта идентична ч.1 ст.46 действующего УИК КР, определяя в качестве исправительных учреждений «колонии поселения, исправительные колонии и тюрьмы». Так что едва ли можно говорить о радикальном, коренном преобразовании всей системы мест лишения свободы. Конечно, в отличие от действующего УИК, данный проект не предусматривает возможности создания наряду с государственными частных исправительных учреждений; впрочем, насколько нам известно, и ранее в Республике таких пенитенциарных заведений не существовало.

Поэтому вряд ли можно судить о «новой градации исправительных учреждений», правильнее констатировать некоторые изменения категорий осужденных, распределяемых по видам этих учреждений.

Причем, учитывая, что, как и в России, в КР допускается создание в одной колонии изолированных участков с различными видами режима, юридически более строго было бы написать не о «видах исправительных учреждений», а о «видах режима исправительных учреждений» или, во всяком случае- режима исправительных колоний.

Ряд новелл Проекта обусловлен предполагаемыми изменениями в УК КР, и, прежде всего – отказом от понятий «рецидив», «опасный рецидив», «особо опасный рецидив». Анализ обоснованности такого отказа не входит в задачу эксперта, хотя, как представляется, этот подход в будущем осложнит переход

к внесудебному определению видов режима на основе смены концепции «режима - кары» на концепцию «режима – безопасности».

Проект исключает из числа осужденных в колониях-поселениях лиц, направляемых туда непосредственно со скамьи подсудимых. Решение – неоднозначное (подробнее см.ниже).

В связи с предлагаемой ликвидацией колоний усиленного режима существенно расширится контингент осужденных в колониях общего режима (ч.5 ст.88 Проекта). В частности, это будут все в первые осужденные (здесь, однако, нужно сделать оговорку, что это не относится к лицам, которым за первое совершенное преступление назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы либо с отбыванием лишения свободы в тюрьме (ч.ч.7 и 8 ст.88 Проекта).

Расширение контингента осужденных в колониях общего режима на практике с неизбежностью потребует большей дифференциации учреждений с одним видом режима для содержания различных категорий осужденных в соответствии с правилами раздельного содержания (ст.95 Проекта УИК КР). Предвидеть, как будет развиваться эта тенденция в деталях, сейчас практически невозможно: во многом это зависит от судебной практики.

Фактически по сравнению со ст.46 УИК КР почти не меняется (если не считать терминологии) предполагаемый контингент осужденных для отбывания лишения свободы в колониях строгого режима. Применительно к направляемым в эти учреждения по приговору суда следовало бы в ч.6 ст.88 добавить: «мужчины, отбывающие и ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы», иначе возникнут сложности на практике. Аналогично – по ч.10 ст.88 Проекта относительно женщин и в ч.12 относительно несовершеннолетних.

Ч.8 ст.88 предполагает ограничение срока отбывания наказания в тюрьме до трех лет (по действующему УИК КР – до пяти лет). Надо полагать, что

после истечения этого срока осужденный впервые за особо тяжкое преступление должен в обязательном порядке быть направлен в колонию общего режима. Учитывая опасность таких лиц, неизбежный при этом эффект «призонизации» и роль подобных осужденных в распространении криминальных установок и обычаев, целесообразно в ст.95 Проекта специально отразить необходимость их раздельного содержания от иных осужденных.

5. В международных актах и зарубежной пенитенциарной практике учреждения, аналогичные колониям-поселениям, именуются т.н. «открытыми тюрьмами». Признается их особое значение в качестве «переходных» учреждений для облегчения последующей социальной адаптации осужденных, в особенности, - с длительными сроками лишения свободы, а также в отношении несовершеннолетних (ст.29.1 ПП, ст.30ПЗН). С другой стороны, в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными (п.3 ст.63) указано, что «в открытых заведениях следует содержать как можно меньше заключенных».

Противоречит ли это указанным выше положениям? На наш взгляд, нет, поскольку ст.63 Минимальных правил говорит не о числе заключенных вообще, а о количестве осужденных в каждом конкретном заведении, то есть ориентирует на создание относительно небольшой численности осужденных в учреждениях «открытого типа».

С точки зрения режима и их практической наполняемости колонии-поселения в целом отвечают этим требованиям (в сравнении с численностью осужденных, в охраняемых колониях).

При условии обеспеченности всех или большинства осужденных оплачиваемым трудом колонии-поселения на практике доказали эффективность, и стремление к сокращению их числа обусловлено (во всяком случае – в России) прежде всего – экономическими соображениями. Если в предложении сохранить в Кыргызской Республике только

«переходные» к свободе исправительные колонии-поселения усматривается сугубо экономическая подоплека (наряду, конечно, со стимулированием правопослушного поведения осужденных), то эксперт едва ли может возражать против объективных факторов.

В то же время есть серьезные доводы в пользу сохранения двух видов колоний-поселений и даже в пользу преобразования их в самостоятельный вид учреждений – «исправительные центры» (Подробнее см.: Уткин В.А. Осужденные в колониях-поселениях. М. Юриспруденция. 2011).

Дело в том, что всех осужденных (разумеется, при прочих равных условиях) можно, условно говоря, разделить с точки их криминологической запущенности и антиобщественной установки, их опасности, на три типа: а) нуждающиеся в изоляции и в отрыве от ближайшей социальной среды; б) не нуждающихся в изоляции, но нуждающихся в отрыве от социальной среды; в) не нуждающихся в изоляции и не нуждающихся в отрыве от социальной среды. Задачи в отношении первой группы осужденных решаются местами лишения свободы, в отношении третьей – альтернативными наказаниями и уголовно-правовыми мерами, а задачи в отношении второй группы решаются пока лишь фрагментально - фактически лишь колониями-поселениями для неосторожных и некоторых категорий впервые осужденных за умышленные преступления. Ликвидация этой группы колоний-поселений создает в данном отношении криминологически неоправданный вакуум.

Это, в итоге, породит дискуссию об «исправительных центрах» в Кыргызской Республике. А, возможно, - в конечном итоге – спор об оптимизации существующей системы наказания в целом.

Во всяком случае, нужны экономические и криминологические расчеты, основанные на статистике судимости и учете ее тенденцией в будущем.

6. В отличие от действующего уголовного законодательства, Проект УК КР не содержит правил определения видов режима осужденным к лишению

свободы. Из этого следует, что суд впредь этим вопросом заниматься не должен. Ст. 89 Проекта УИК КР («Определение вида исправительного учреждения») относит это к компетенции «специальной комиссии государственного органа уголовно-исполнительной системы Кыргызской Республики, состав и порядок работы которой определяется Правительством Кыргызской Республики». Уже сама такая формулировка побуждает к вопросу: означает ли это, что в Республике будет всего лишь одна комиссия, и не приведет ли это к перегрузкам в ее деятельности?

Если же анализировать эту новеллу по существу, то необходимо затронуть ряд немаловажных аспектов.

В настоящее время на постсоветском пространстве вид режима (или вид учреждения) исполнения (отбывания) лишения свободы в большинстве стран определяет суд, указывая это в самом приговоре наряду со сроком этого наказания. Это вполне понятно, учитывая, что уголовные кодексы большинства стран – бывших членов СССР основаны на положениях Модельного уголовного кодекса, принятого в середине 90-х годов прошлого века Межпарламентской Ассамблей СНГ.

Вместе с тем в ряде стран в науке (в том числе и в России), в законотворчестве (Украина) и в законопроектной работе (Кыргызская Республика) ставится вопрос о переходе от судебного к внесудебному порядку назначения вида режима. Первым по этому пути, как известно, пошел украинский законодатель. В ст.86 УИК Украины указано, что «вид колонии, в которой осужденные отбывают наказание, определяется Государственным департаментом Украины по вопросам исполнения наказаний». Вместе с тем правила (критерии) направления осужденных в учреждениях конкретного вида («минимального, среднего и максимального уровней безопасности») в императивной форме (и это следует подчеркнуть) отражены в ст.18 УИК Украины примерно в том же виде, как они ранее

существовали при судебном назначении режима наказания в виде лишения свободы.

Почему вопрос о внесудебном порядке определения режима в ряде случаев обретает особую актуальность? Можно, на наш взгляд, выделить три группы аргументов:

- требование установления формального соответствия международным стандартам;

- убеждение в том, что суд лишен возможности изучить и в должной мере учесть личность осужденного;

- упреки в коррумпированности судов, в особенности, при решении вопросов об условно-досрочном освобождении, переводе в учреждение другого вида режима и т.д.

Начнем с международных стандартов. Последние в их большинстве берут за основу пенитенциарную (и преимущественно – тюремную) систему развитых западных стран. В Минимальных стандартных правилах ООН и Европейских тюремных правилах нет прямого ответа на вопрос, кто должен определять вид режима при вынесении приговора к лишению свободы. Это и понятно, ибо стадия вынесения приговора находится вне предмета регулирования упомянутых международных актов.

Между тем принципиально важно, что в России в большинстве стран на постсоветском пространстве с одной стороны и в развитых стран Запада – с другой исторически сложился различный концептуальный подходах к лишению свободы и режиму его отбывания. Для западных стран он наиболее рельефно отражен в ст.57 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными: «Заключение и другие меры, изолирующие правонарушителя от окружающего мира, причиняют ему страдания уже в силу того, что они лишают его свободы. Поэтому тюремная система не должна усугублять страдания, вытекающие из этого положения». В итоге режимы лишения

свободы и классификация осужденных на Западе исходят главным образом из соображений безопасности, не имеют подробных нормативных оснований в законе, в приговоре не определяются, устанавливаются и изменяются преимущественно самой администрацией пенитенциарных учреждений или вышестоящими органами управления в первую очередь в зависимости не от преступления, а от опасности личности осужденного и ее эволюции при отбывании наказания.

Уголовная и уголовно-исполнительная политика России и большинства постсоветских государств традиционно исходят и из карательной составляющей режима. Следовательно, основания определения, изменения вида режима, его конкретные составляющие и связанные с этим классификация осужденных максимально конкретно определяются законом, осуществляются в судебном порядке и, по крайней мере, в начальный период отбывания наказания преимущественно зависят не столько непосредственно от опасности личности осужденного, сколько от тяжести совершенного им деяния. В отличие от западных тюрем степень свободы администрации в этом отношении здесь не столь велика.

Обратившись к Проекту УИК КР, можно судить о том, что законодатель КР стремится по пути украинского законодателя. Но там, как показала более чем десятилетняя практика, этот подход ничего принципиально нового не дал: ведь критерии распределения осужденных, как говорилось выше, остались практически теми же, что и были в УК Украины и отступать от них администрация Департамента не может. Причём эти критерии определялись прежде всего характером и степенью общественной опасности учиненных преступником деяний. Ст.88 Проекта УИК КР определяет категории осужденных и критерии их распределения) столь же однозначно и безальтернативно, а ознакомление с конкретными положениями режима в УИК не оставляет сомнений в том, что он по – прежнему предполагает в

качестве одной из его основных функций кару, т.е. составляет содержание наказания в виде лишения свободы.

В таких условиях передача решения вопроса об определении вида режима конкретному осужденному из ведения суда в ведение «специальной комиссии», по сути, окажется сугубо «организационно-косметической» реформой, не оказывающей влияния на уголовно-исполнительную политику.

Переход к такому порядку определения режима оправдан лишь при глубоко реформировании самого подхода к наказанию в виде лишения свободы, причем в преимущественно тюремной системе содержания осужденных. Это предполагает разработку и реализацию совершенно иных подходов и критериев, основанных на всесторонней диагностики личности. К этому современная постсоветская уголовно-исполнительная система пока явно не готова. Поэтому наивно уповать на то, что обозначенная в ст.89 Проекта «специальная комиссия» вдруг обретет такие критерии. Но даже если это непостижимым образом и произойдет, конкретные и категорические требование ст.88 УИК не оставят для комиссии практически никаких вариантов. В этой связи я считаю переход от судебного ко внесудебному порядку определения вида режима лишения свободы сегодня либо утопичной либо сугубо формальной акцией.

Что же касается довода о «коррумпированности судей», то почему нельзя предположить наличие т.н. «коррупционных ниш» и в деятельности предполагаемой комиссии? К тому же странно аргументировать предложения по реформированию УИК упреками к судебной системе страны. Реформировать следует и саму эту систему.

7. Относительно выполнения уголовно-исполнительной системой функций розыска осужденных.

Международные стандарты не дают прямого ответа на вопрос, какие конкретные правоохранительные структуры должны осуществлять розыск

осужденных, и в какой степени этим должна заниматься уголовно-исполнительная система.

В России розыск осужденных, совершивших побег из мест лишения свободы, осуществляется полицией (а при необходимости и подразделениями внутренних войск МВД РФ), а также отрядами специального назначения территориальных управлений ФСИН России. Это основано на законодательстве (Закон РФ от 21 июля 1993г. «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и Федеральный закон «О полиции» 2010г.) и оправдано фактически, ибо в процессе розыска соответствующие органы и должностные лица проводят необходимые для этого операции (контроль транспорта, прочесывание местности), при необходимости применяют физическую силу, огнестрельное оружие и специальные средства (служебных собак и т.д.).

Что касается лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, то согласно ст.18^1 УИК РФ, введенной в 2011г., первоначальные розыскные мероприятия в их отношении должны осуществляться уголовно-исполнительной инспекцией. Сам розыск возлагается на оперативные подразделения уголовно-исполнительной системы во взаимодействии с иными государственными органами.

Практика показала чрезвычайное усложнение решения этого вопроса. Первоначальные розыскные мероприятия в отношении осужденных к наказаниям в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительных инспекций, осуществляются филиалом уголовно-исполнительной инспекции, где осужденный состоял на учете. В случае проведения первоначальных розыскных мероприятий в отношении осужденного, которому ограничение свободы назначено в качестве дополнительного наказания, филиал уголовно-исполнительной инспекции, проводивший указанные мероприятия, направляет информацию в территориальное подразделение полиции для возбуждения уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного

ч. 1 ст. 314 УК РФ. Указанная информация направляется совместно с заверенными копиями постановления о признании осужденного, злостно уклоняющимся от наказания в виде ограничения свободы, и материалов первоначальных мероприятий по установлению местонахождения осужденного. При установлении факта злостного уклонения от отбывания наказания в виде исправительных, обязательных работ или ограничения свободы уголовно-исполнительная инспекция (ее филиал) выносит постановление о признании осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания, направляет его в подразделение розыска территориального органа ФСИН России. Подразделение розыска территориального органа ФСИН России направляет инициативный материал с копией постановления о признании осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания в соответствующее территориальное подразделение полиции. При задержании осужденного, территориальное подразделение полиции помещает его в ИВ С на 48 часов, информирует о задержании подразделение розыска территориального органа ФСИН России и уголовно-исполнительную инспекцию или ее филиал, вынесший постановление, и направляет в суд представление о заключении под стражу осужденного до рассмотрения вопроса о замене наказания на 30 суток в соответствии с п. 18 ст. 397, п. 3 ч. 1 ст. 399 УПК РФ. Территориальное подразделение полиции, получив решение суда о заключении осужденного под стражу на 30 суток, направляет копию решения суда в уголовно- исполнительную инспекцию или ее филиал, вынесший постановление. При задержании осужденного подразделением розыска территориального органа ФСИН России он доставляется в соответствующее территориальное подразделение полиции с инициативным материалом и копией постановления о признании осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания, на основании чего, осужденный помещается в ИВС территориального подразделения полиции. Подразделение розыска территориального органа ФСИН России информирует о задержании уголовно-исполнительную инспекцию или ее

филиал, вынесший постановление, направляет в суд представление о заключении под стражу осужденного до рассмотрения вопроса о замене наказания на 30 суток в соответствии с п. 18 ст. 397 УПК, получив решение суда о заключении осужденного под стражу на 30 суток, направляет его копию в уголовно-исполнительную инспекцию или ее филиал, вынесший постановление, решения суда направляет в территориальное подразделение полиции. Уголовно-исполнительная инспекция или ее филиал, вынесший постановление, получив копию решения суда о заключении осужденного под стражу на 30 суток, принимает меры к решению в суде вопроса о замене осужденному наказания на лишение свободы. Уголовно-исполнительная инспекция или ее филиал, получив решения суда о замене осужденному наказания на лишение свободы, направляет его в территориальное подразделение полиции, где содержится осужденный. В случае, если в течение 48 часов после задержания осужденного решение суда о заключении его под стражу на 30 суток не поступило, либо в течение 30 суток содержания осужденного под стражей не поступило решение суда о замене осужденному наказания на лишение свободы (либо судом в решении данного вопроса было отказано), то территориальное подразделение полиции освобождает осужденного и информирует об этом подразделение розыска территориального органа ФСИН России, уголовно-исполнительную инспекцию или ее филиал, вынесший постановление.

Учитывая достаточно сложный для практической реализации существующий механизм объявления таких осужденных в розыск и осуществление самого розыска, было бы целесообразнее закрепить на законодательном уровне право суда объявлять все категории осужденных без изоляции от общества в розыск а непосредственный розыск таких осужденных, возлагать на органы внутренних дел (полицию), а не на подразделения уголовно-исполнительной системы.

8. Учитывая сказанное выше по п.6 относительно субъектов и порядка определения вида режима лишения свободы, полагаю, что и изменение вида

режима должно осуществляться в судебном порядке (кроме, конечно, случаев обязательного изменения вида режима, например, по истечении трехлетнего срока отбывания наказания в тюрьме).

При этом не следует смешивать вопрос об изменении вида режима и конкретного места отбывания наказания. Последнее осуществляется и должно осуществляться руководством уголовно-исполнительной системы. В этой связи положения ч.1 ст.87 Проекта УИК противоречат ст.88 и ст.93 (когда изменение места связано с изменением вида режима). Здесь нужно оговорить эти ситуации в ч.5 ст.87, сославшись на нее также в ч.1 этой статьи.

9.Практически все международные акты об обращении с заключенными признают важность сохранения и поддержания осужденными позитивных социальных связей с внешним миром, и прежде всего – с родственниками, ближайшим окружением, с потенциальными работодателями (см., например, ст. ТСП, ст.ст.24.1, 24.2 ЕТП, ст.19 СПЗ и др.). Ст.104 Проекта УИК КР регламентирует предоставления осужденным свиданий с родственниками, адвокатами и иными лицами. Конкретное количество свиданий в зависимости от вида режима и вида условий устанавливается в ст.ст.140-147, 150-151 Проекта.

С учетом приведенных выше положений международных документов и ресоциализирующей функции исправительных учреждений общее увеличение предоставляемых осужденным свиданий следует расценить положительно. При этом, однако, следует учитывать:

- фактическую возможность учреждений в предоставлении таких свиданий (в особенности, длительных), иначе возникает риск жалоб осужденных. Здесь необходим расчет, предоставленный руководством Службы;
- степень фактической реализации осужденными права на свидания даже при существующих их нормативах. К примеру, в РФ, по данным переписи 2009г., опубликованным в 2012г., большинство осужденных не реализует их право на свидания (56,6% - на краткосрочные, 66,2% - на длительные). Конечно, в

России территория более обширна, и даже в пределах субъекта Федерации родственники и иные лица не всегда обладают возможностями прибыть на свидание;

- потенциальную «коррупционную нишу» в определении графиков свиданий и в выдаче разрешений на длительные свидания с иными лицами начальником исправительного учреждения.

Частные замечания по ст.104: редакция ч.1 ст.104 создает опасность субъективизма и злоупотреблений («до четырех часов» и «до трех суток»). Здесь лучше либо указать и минимальную продолжительность (например, «от двух до четырех часов» и «от одних до трех суток») либо написать «четыре часа» и «трое суток».

Основания сокращения этой продолжительности (например, желание осужденных или лиц, прибывших на свидание либо нарушение правил поведения свиданий) целесообразно предусмотреть в подзаконном нормативном правовом акте.

Ч.4 ст.104 и ее название не согласуются со ст.21, где говорится о праве осужденных на квалифицированную юридическую помощь не только его стороны адвокатов, но и «иных лиц, имеющих право на оказание такой помощи».

Кроме того, в ч.4 надо оговорить, что свидания с такими лицами предоставляются в дневное время. При наличии достаточных оснований полагать, что прибывшему на свидание лицу может угрожать опасность, то – в пределах видимости, но за пределами слышимости.

Международные стандарты прямо не определяют подходы к количеству посылок, передач и бандеролей, которые может получать заключенный, они исходят прежде всего из задач безопасности, определяя недопустимость проникновения в учреждения т.н. «контрабанды». Тем более количество таких посылок, передач и бандеролей (точнее, - их дифференциацию как критерий карательной стороны режима).

Общую направленность на расширение такого ряда «вещественных» социальных контактов следует расценить положительно, кроме того, это способствует определенному улучшению материального положения части осужденных в кризисных социально-экономических условиях, порождающих недофинансирование уголовно-исполнительной системы.

Однако не следует игнорировать фактическое положение дел в этой области и те негативные последствия, к которым подобное решение может привести. Не располагая данными по Кыргызской Республике, обращусь к опыту России. В настоящее время примерно каждый четвертый осужденный в исправительных колониях РФ вообще не получал посылок и передач, а 52,2% получали их ниже норм, установленных законом. То есть возможное снятие лимитов практически может коснуться только каждого пятого осужденного. Бандероли в РФ вообще не получает 68% осужденных.

Нелишне вспомнить, что два десятилетия назад в кризисных социально-экономических условиях в России была безуспешная политика реализовать аналогичное решение. В 1995г. ведомственным указанием МВД РФ, согласованным с Генеральной прокуратурой (без изменения норм существовавшего тогда Исправительно-трудового кодекса!) всем осужденным независимо от вида режима предоставлялось право дополнительно еще на шесть посылок (передач) в течении года.

На первый взгляд, это было очень гуманным решением. Понятно и стремление тогдашних руководителей уголовно-исполнительной системы «подкормить» осужденных помимо дефицитного бюджетного финансирования. Но на деле это лишь усилило имущественное расслоение осужденных в местах лишения свободы, фактически отдавая массу «неимущих» заключенных в распоряжение «имущих». Ими, чаще всего были преступные «авторитеты» или их ставленники. В конечном итоге разрастался тюремный «общак», усиливая власть неформальных отрицательных лидеров исправительных учреждений.

Поэтому данное указание вскоре было отменено, а идея о резком увеличении посылок и передач либо о полной отмене их лимита при создании УИК РФ 1996г. поддержки не имела (Подробнее об этом см.: Уткин В.А.: Европейские тюремные правила и проблемы их реализации. Томск, издательство ТГУ, 1996г.).

Следует оговориться, что сказанное выше в значительной степени относится к «колонийским» условиям отбывания наказания, а для тюремных условий, видимо, данная проблема утратит свою остроту.

Частные замечания по ст.105 Проекта. Если в ч.1 названной статьи снимается общий лимит посылок передач и бандеролей, то бессмысленны указания в ч.2 и ч.3 на дополнительные посылки, передачи (кстати, а почему и не бандероли?), а также на невключение медицинских посылок и передач в какое-то «число…, определяемого частью первой настоящей статьи».

В ч.5 ст.105 установлена возможность осужденных с разрешения администрации «отправлять посылки и бандероли. Целесообразнее добавить «близким родственникам, а с разрешения администрации – и иным лицам». Кроме того, следует предусмотреть и возможность «встречных» передач от осужденных лицам, прибывшим на свидание (например, сувенирные изделия) в порядке, установленном Правилами внутреннего распорядка.

Конкретные замечания по проекту УИК КР.

Общая часть.

Ст.1 Проекта изложена не вполне удачно, поскольку объединяет категорией «уголовно-исполнительное законодательство» как законы (акты высшей юридической силы, принимаемые в особом порядке), так и нормативные акты подзаконного характера. Но, как показывает практика, значительное число поводов к нарушению прав осужденных, к сожалению, дает именно подзаконное нормотворчество (и, прежде всего – противоречащие закону ведомственные приказы и инструкции). К тому же

объединение в понятии «уголовно-исполнительное законодательство» закона и подзаконных нормативных правовых актов затрудняет деятельность прокуратуры, которая осуществляет надзор за соблюдением законов и подзаконных нормативных актов в различных юридических формах.

В число субъектов уголовно-исполнительного нормотворчества, помимо прочих, включены органы местного самоуправления, что, на взгляд эксперта, едва ли целесообразно с позиций обеспечения единства уголовно-исполнительной политики в стране. Если же, несмотря на это, будет признано целесообразным их оставить, то необходимо ограничить их компетенцию тем, что предоставить им право нормотворчества не просто на основании Кодекса, а лишь в случаях, прямо предусмотренных Уголовно-исполнительным кодексом и законами КР.

Судя по смыслу ч.1 ст.2 Проекта, новый УИК рассчитан также на исполнение наказаний, назначаемых за «уголовные проступки» Однако в проекте КОП КР о проступках последние не именуются «уголовными», нет о проступках и упоминания в проекте УК КР. В его статьях (ст.ст.11,19 и др.) говорится лишь о преступлениях. В таком аспекте неясно, к какой отрасли права относится «законодательство о проступках». Если к уголовному, то его существование как самостоятельного неоправданно, и его необходимо преобразовать в Раздел УК. Если какое-то иное законодательство (при сохранении административной ответственности), то это вообще противоречит канонам континентальной системы права (в отличие от англосаксонской, к которой, впрочем, законодательство КР не принадлежит).

Кроме того, включение в предмет Кодекса о проступках ряда ныне административно-наказуемых деяний противоречит принципу экономии репрессии, являясь отражением давно критикуемого в криминологии подхода, именуемого «растягиванием сетей».

Ч.3 ст.2 Проекта УИК КР в части регулирования Кодексом порядка оказания осужденным помощи в социальной реабилитации и адаптации

после освобождения из мест лишения свободы противоречит ст.192 Кодекса, где сказано, что решение этих вопросов – не в компетенции УИК, а отнесено к ведению «законодательства Кыргызской Республики».

По ст.3. Указание в ч.3 данной статьи на обратную силу нового закона, смягчающего исполнение и отбывание наказания или иной принудительной меры уголовно-исполнительного воздействия, при буквальном толковании может привести к тому, что, к примеру, при увеличении в новом законе числа посылок и передач осужденный будет вправе требовать возмещения «недополученных» им за прошлый период.

Думаю, существование частей 3 и 4 в ст.3 неоправданно, ибо обратная сила, строго говоря, влияет на наказуемость, а предмет уголовно-исполнительного права гораздо шире и носит комплексный характер.

В ст.4 Проекта в числе оснований исполнения наказаний и иных мер нужно учесть, что новое судебное решение (определение, постановление суда) может как изменять судебный приговор (в порядке апелляции, надзора), так и не подвергать его ревизии (условно досрочное освобождение и т.д.). Поэтому следует указать, что, помимо приговора, основаниями могут быть и «иные судебные решения».

При оценке положений ст.7 и ст.15 Проекта прошу учесть мои замечания относительно исправления, ресоциализации и адаптации, сделанные выше.

Ст.6 именуется «Принципы уголовно - исполнительного законодательства», что явно узко с позиций реального обеспечения гарантий правового статуса осуждённых. Ведь принципы реализуются не только в законодательстве (тексте законов и иных нормативных актов), но и в практике исполнения наказаний, что для осуждённых несравненно более важно, чем текст закона. Поэтому ст. 6 надо озаглавить «Принципы уголовно - исполнительного законодательства и его применения». Соответственно - изложить содержание этой статьи более широко.

Целесообразно также уточнить, в ст.ст.6,12, что должно стимулироваться не только «законопослушное», но и активное общественно - полезное поведение осуждённых. Это, в частности, более полно отвечает содержанию п. 6 ОПОЗ о том, что «все заключённые имеют право участвовать в культурной и образовательной деятельности, направленной на всестороннее развитие человеческой личности».

Кроме того, следует в полном соответствии с международными стандартами (см., например, ст. 2 ОПОЗ) –уточнить ст.12 Проекта следующим образом: «Не допускается никакой дискриминации осуждённых по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения или по иному признаку».

По ст.ст.6,9 в части принципа демократизма. Полагаю, что его упоминание в проекте УИК - дань прошлому (причем – советскому прошлому). Этого принципа нет в международных актах (СПЗ 1988г.), в Уголовном кодексе КР и его проекте. Его содержание в ст.9 вполне можно раскрыть как принцип участия общественности (который, напротив, заслуживает закрепления в качестве самостоятельного).

Ст. ст.16-30 Проекта УИК КР посвящены основным правам и обязанностям осуждённых, что само по себе заслуживает одобрения с позиций определения их правового статуса в контексте международных стандартов. Рассматриваемые нормы расположены в Общей части Кодекса, следовательно, как бы «выведены за скобки», то есть значимы для всех осуждённых. Однако этот принцип в их содержании соблюдается не всегда. Ряд положений явно относится только к наказанию в виде лишения свободы.

Поскольку ст.16 Проекта («Основные права осужденных») по большей части, относится только к осужденным, находящимся в условиях изоляции, поэтому вряд ли в таком виде может быть в Общей части Кодекса. Ее необходимо поместить в начало Раздела IV («Исполнение наказаний,

связанных с изоляцией от общества»). Это же замечание относится к ст.ст.18,19, 20(ч.3), 21,22,23,24,25(ч.2),27 Проекта УИК КР.

Вместе с тем существует настоятельная необходимость закрепления аналогичной нормы (хотя менее подробной и иной по содержанию) и для всех альтернативных наказаний, для режима пробации.

В этой связи целесообразно:

- сократить Главу 3 Проекта, оставив в ней права и обязанности, присущие всем осуждённым независимо от вида наказания;
- в начале Раздела II сформулировать специфические права и обязанности осуждённых при наказаниях, не связанных с изоляцией от общества (например, на сохранение конфиденциальности сведений о частной жизни, если закон не требует иного, и о минимизации принудительных средств);
- в Главе 17 в ее начале дать специфические права и обязанности именно осуждённых, отбывающих лишение свободы.

По конкретному содержанию ряда статей:

В ст. 24 следовало бы закрепить право осужденных на получение ответов в установленном законом порядке.

В соответствии с п. 3 ст. 23 ЕТП установить также право на получение осуждёнными информации о системе бесплатной правовой помощи (ст.21 Проекта).

Последнее предложение ч.4 ст.23 изложить так: «Для целей отправления обрядов администрация учреждения выделяет соответствующее помещение». В то же время в данной статье целесообразно (с учетом активизации ваххабитов в местах лишения свободы) установить запрет возведения на территории исправительных учреждений каких-либо специальных зданий и сооружений для отправления религиозных обрядов. Кроме того, ч. 2 ст.23 Проекта следует сформулировать более детально, в полном соответствии с ч. 3 ст. 29 ЕТП: «Осуждённые не могут принуждаться исповедовать ту или

иную религию или веру, посещать религиозные службы и собрания, принимать участие в религиозных обрядах или соглашаться на посещение представителями каких — либо религий».

В ст.17 Проекта не отражено ограничение, которое международные акты налагают на привлечение осуждённых к экспериментам. В ст. 48 (1) ЕТП установлено, что «заключённые не должны подвергаться никаким экспериментам без их согласия». В то же время независимо от согласия осуждённых запрещены также эксперименты, на них которые «могут привести к физическим травмам, психическим страданиям или вызвать иной ущерб здоровью (ч.2 ст.48)».

Ч.4 ст.24 следовало бы дополнить словами: «Переписка осуждённого к лишению свободы или аресту с адвокатом или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях, цензуре не подлежит, кроме случаев, когда администрация учреждения располагает достаточными данными о том, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию уголовно наказуемого деяния либо вовлечение в него других лиц. В этих случаях контроль переписки осуществляется по мотивированному постановлению начальника учреждения либо его заместителя».

В ч.5 ст.24 следует уточнить, что «Обращения осуждённых по поводу решений или действий администрации учреждений уголовно-исполнительной системы и органов, исполняющих наказания, не приостанавливают их исполнение, если иное не установлено законом».

Исходя из смысла ст. 70 ЕТП, в статью 24 Проекта УИК целесообразно внести также следующие положения:

- «Осуждённые не подлежат ответственности за их обращения, если они не сопряжены с призывами к совершению уголовных правонарушений, нарушению режима отбывания наказания».

- «Органы, рассматривающие обращения осуждённых, также должны принимать любые жалобы близких родственников осуждённого от их имени, если у них есть основания полагать, что права осуждённого были нарушены.

Никакая жалоба законного представителя, близкого родственника осуждённого либо правозащитных организаций не может быть представлена от имени осуждённого, ели он не дал на то предварительного согласия».

Ч. 6 ст.25 изложить в следующей редакции: «Органы, организации и лица, которым направлены обращения, должны рассмотреть их в установленном законом порядке и дать ответ обратившимся в установленные сроки. Если в удовлетворении обращения полностью или частично отказано, то ответ должен быть мотивирован».

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ.

В полном соответствии с положениями международных актов об альтернативных санкциях (ТП 1990г., ЕПАС 1992г., ЕПП 2010г.) в Разделе II целесообразно вначале сформулировать статью (или статьи), определяющие общие основы правового статуса осужденных без лишения свободы. Указав в них такие, например, права, как право на охрану частной жизни, право участвовать в определении программы ресоциализации, принцип минимального вмешательства, необходимую достаточность мер принуждения и т.д.

Замечанием общего характера также является недостаточная реализация при исполнении альтернативных мер принципов «прогрессивной системы» отбывания наказания. Такой подход вполне соответствовал бы международным стандартам («положениям ТП и ЕПАС), и здесь законодатель Кыргызской Республики мог бы сделать существенный шаг вперед. Например, идя по пути расширения видов наказаний, при которых

было бы возможным условно-досрочное освобождение, и установив систему частных мер поощрения при реализации альтернативных наказаний.

Следовало бы также принять меры к большей унификации правового статуса органов (служб) пробации при реализации наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Полномочия этих служб при разных, но сходных мерах, неоправданно отличаются (см., например, ч.4 ст.45, ч.3 ст.48, ч.4 ст.52 Проекта УИК). Кроме того, из функций этих органов необоснованно исключено проведение с осужденными воспитательно-профилактической (ресоциализирующей) работы, что противоречит ст.7 Проекта и не соответствует конкретным положениям ряда статей Проекта. Например, в ст.53 Проекта среди обязанностей осужденных к исправительным работам указана обязанность «один раз в месяц являться в органы пробации для регистрации и участия в профилактической беседе», хотя о профилактике как функции этих органов в Проекте не упоминаются.

По нашему мнению, воспитательно-профилактическая деятельность как таковая шире понятия «пробационный надзор», и такой подход основан на Европейских правилах о пробации 2010г. Надзор – это контрольная деятельность, лишь один из аспектов ресоциализации осужденных без лишения свободы.

На наш взгляд, неоправданно различие в правовых основах реализации ограничения свободы (глава 14 Проекта) и иных альтернативных наказаний. Создается впечатление, что главы 11 и 13 (о пробационном надзоре) составлялись совсем иными авторами, с другими подходами, нежели иные главы Раздела II.

В частности в главах 11 и 13 совершенно неожиданно (в отличие от иных глав) появляется право осужденного «аргументировано требовать замены сотрудника органа пробации, осуществляющего за ним надзор» и т.п… Но это может быть актуально и при других мерах.

Есть и более частные замечания и пожелания по конкретным статьям Раздела II. Среди обязанностей осужденных (ст.ст.46, 53) следует закрепить более общую обязанность являться по вызовам органа пробации и давать устные или письменные объяснения по вопросам соблюдения порядка и условий отбывания наказания.

Неявка без уважительных причин должна влечь привод осужденного и возможность привлечения его к ответственности.

В ст.48 целесообразно установить, что администрация не вправе устанавливать для осужденного особый льготный порядок учета рабочего времени в зависимости от вида работ и своевременного и качественного выполнения им производственных заданий.

В ст.47 и других аналогичных статьях: осужденный наказание не «исполняет», а «отбывает», исполняет его служба пробации.

В ст.50 следует указать, что в срок наказания не засчитывается время, в течение которого осужденный занимался запрещенной деятельностью или занимал запрещенные должности.

В ч.3 ст. 56 нужно уточнить, что удержания проводятся из всей суммы заработка, в ином случае возможна ситуация, когда финансовые службы предприятий станут исключать из расчета этой суммы налоги. Едва ли нужно также в Уголовно-исполнительном кодексе (ч.4 ст.56) указывать, куда конкретно направляются удержанные из заработка осужденного денежные средства. Это – предмет правового регулирования будущего закона об уголовно-исполнительной системе либо аналогичного ему.

Сложно судить о полноте и качестве предполагаемого правового регулирования исполнения наказания в виде ограничения свободы: его нет в системе наказаний в представленном Проекте Уголовного кодекса и трудно судить о содержании данного наказания. Опыт России (с 2010г.) показывает,

что наказание в виде ограничения свободы на деле не стало сколько-нибудь значимой альтернативой реальному лишению свободы, а контингент осужденных к такому наказанию растет (во многом – искусственно) за счет сокращения применения условного осуждения (подробнее см.: Уткин В.А. Альтернативные наказания в России: состояние, проблемы и перспективы. М.:Penal Reform Internarional. 2013г.). Поэтому при наличии развитой системы пробационного надзора (фактически – того же условного осуждения) в такой конструкции наказания в виде ограничения свободы вовсе нет необходимости.

Вместе с тем «ограничение свободы» имело бы перспективу в ином виде и значении, указанном выше применительно к колониям-поселениям. Речь идет о преобразовании последних в «исправительные центры», как своего рода, - «промежуточные» учреждения между «свободой» и «несвободой». Наказание, в них отбывается, можно бы именовать «ограничением свободы». Перевод исправительных колоний-поселений как учреждений, исполняющих лишение свободы, в исправительные центры, помимо прочего, заметно сократит статистику «тюремного населения» в Кыргызской республике. Но для такого пути необходимы не только усилия экспертов, но и политическое решение на высоком уровне руководства.

Применительно к исполнению лишения свободы ст.101 Проекта («Меры безопасности и основания их применения») вполне возможно и целесообразно преобразовать в специальную Главу, что существенно упрочит законность в сфере применения к осужденным физической силы, специальных средств и оружия. Иными словами, пришло время (впрочем, как и в России) устранить бланкетный характер такой нормы.

В ст.118 (ч.1 и ч.5) нужно оговорить, что требования надлежащей охраны и изоляции осужденных не распространяются на труд осужденных в колониях-поселениях и осужденных, которым предоставлено право бесконвойного передвижения за пределами колонии.

С учетом положений ст.14 Проекта УИК и опыта применения уголовно-исполнительного законодательства на постсоветском пространстве необходимо существенно расширить и детализировать нормы Главы 20 в части специфики правового регулирования труда осужденных в условиях изоляции от общества (возникновения, изменения, прекращения трудовых отношений, права работников и т.д.). В ином случае конфликты на этой почве (в том числе и с участием суда и прокуратуры) будут неизбежны.

В ч.2 ст.131 - оговорить, что участие осужденных в самодеятельных организациях является добровольным, и что осужденные не могут быть подвергнуты взысканиям за отказ вступить в самодеятельную организацию или участвовать в ее работе.

В ст.135 Проекта («Злостные нарушения установленного порядка отбывания наказания») в число злостных нарушений целесообразно внести объявление и (или) проведение осужденным демонстративной голодовки (отказ от приема пищи) либо демонстративное членовредительство, сопряженное с выдвижением заведомо незаконных требований администрации учреждения или органов власти.

В ст.136 наряду с погашением взыскания предусмотреть отмену признания осужденного злостным нарушителем порядка и условий отбывания наказания.